

БЕС ПОПУТАЛ

Д. ВУНГИС

Noticed V. Бес попутал

<https://litres.ru/74626277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как часто вы заглядываете внутрь себя? Как часто вы погружаетесь в своё прошлое, чтобы понять, что происходит с вами в настоящем? Вы когда-нибудь жили, слушая только своих демонов? Демоны ли это были вообще? В двадцать пять лет Слава наконец решается найти ответы на все эти вопросы. Одиноким, чувствующим себя не на своем месте он встречает давно забытого близкого человека. И с ее помощью Слава, в конце концов, понимает, кто он есть.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Noticed V.

Бес попутал

Пролог

Город был полон чудовищ. Сюда не проникал свет, лишь красный туман позволял разглядеть силуэты черных пустых домов. Во тьме улиц копошились отвратительные черти и демоны. Они были ужасны, их тела перекошены и вывернуты наизнанку, пасти полны острых, кривых зубов, у некоторых этих пастей были дюжины. Один демон мог иметь до сотни глаз, второй два десятка лап, третий вовсе был бесформенной всепоглощающей массой. И как бы не были мерзки и невообразимы их туловища, у каждого на нем было человеческое лицо, спящее, как у покойника. Как же во все бесовское и чудовищное обличие попал такой лик?

Слава шел по бульвару и каждая тварь оглядывалась на него, но не падала. Никто не смел притронуться к своему хозяину. Он шел, но ноги сами вели его ведь голову его занимали совсем иные мысли. Вдруг проходя мимо очередного переулка, Слава увидел в его глубине совершенно обычного и привычного нам щенка и остановился. Собачонка отчаянно лаяла, так как ее загнали в угол демоны, настоящие вы-

ходки Цербера. От их рыка дрожала земля, а бедное создание, казалось, вот-вот испустит дух от испуга. Слава, поддавшись какому-то чувству, бросился на защиту, но неведомая сила не позволила ему сойти с бульвара, он встал, как статуя, и мог лишь наблюдать за страданиями щенка. Демоны уже были совсем рядом с ним и секунды на секунду бросятся и разорвут его. Однако тут эта миленькая зверушка начала меняться и за миг перевоплотилась в тварь подобную тем, что загнали ее. Взлетел новый демон и бросился со статей вглубь тумана. Слава еще постоял с минуту, глядя им вслед, а затем ноги повели его дальше.

Совсем скоро они привели его к до боли знакомой пятиэтажке. Слава поднялся на последний этаж и вышел на крышу. На краю ее в ряд стояли, взявшись за руки, черти. У всех них было Славино лицо, но разные тела. Слава пошел к своим близнецам, они ждали только его. Ноги идут, но головой он понимает, что что-то не так. Он пытается сопротивляться, но не может. Страшное предчувствие только усиливается. Вот, он уже в одном ряду, берет их за руки, в последний момент оборачивается и видит позади своих старых знакомых, друзей, девушек и отца. Слава кричит им, просит о помощи, но никто и с места не сдвинулся. Они лишь улыбались и наблюдали, как он делал шаги навстречу смерти. Вместе с близнецами он сорвался с крыши и в этот момент проснулся.

Глава 1

Дни у Славы летят все как один. Снова и снова он открывает глаза по утрам, смахивает холодный пот со лба и пытается отойти от кошмара. Маленькая однушка, еще полная советского духа, помогает ему в этом своим своеобразным уютом.

Он всегда вставал раньше будильника и еще долго лежал, бесцельно всматриваясь в потолок и старую люстру с плафонами. Когда же Слава наконец поднимался, то еще некоторое время сидел в тишине, уставившись куда-то в пустоту. Он всегда погружен в какие-то мысли, не столько живёт, сколько думает. Чтобы отвлечься от подкрадывающейся тоски, Слава обычно начинает бегать глазами по комнате, рассматривая и, как бы, изучая ее на предмет возможных перемен. Но ничего не меняется. Все те же пожелтевшие, в некоторых местах, отклеившиеся обои, которые прикрывает красный ковёр. Все тот же скрипучий и трухлявый паркет, все та же чешская стенка и все те же деревянные окна и вид из них. Вот уже семь лет как он покинул отчий дом, но все осталось таким же.

Тяжело вздохнув, он рывком встал с кровати и шурша тапочкам зашёл на кухню, поставил чайник. Гудел холодильник. Тикали часы. Слава стоял где-то посередине этого шума и вглядывался в серый пейзаж. Стоял ноябрь, было уже

совсем темно по утрам, но, тем не менее, Слава не включал свет. Он не хотел видеть своё отражение в окне. У себя дома вообще не держал зеркал. Чайник вскипел.

Слава сидел во мраке, почти в полной тишине и, попивая кофе, думал об одной своей затее, которую намеревался совершить сегодня вечером. Впервые за долгое время его вечер пятницы будет другим. Однако это не вызывало в нем предвкушения, как при любой другой незаурядной идее. Он пару лет уже ничего не чувствовал и жил в тишине и пустоте, пережив самые страшные времена.

Допив кофе и приняв таблетки, он пошёл умываться. Коридор был полностью заставлен пустыми холстами и он, проходя в темноте по нему всякий раз, задевал их. Никак он не мог пересилить себя и снова вернуться в рисование.

Ванная была маленькой, обшарпанной. Ржавые трубы подтекали, поэтому под ними всегда стоял пластиковый лоточек, который Слава каждое утро сливал. Раковины не было, только жёлтая ванна. Включил воду, она громко забарабанила по чугунному дну и забрызгала во все стороны, от чего Слава поморщился. Умывшись, он пошёл собираться на работу. Брать-то ему особо нечего, телефон, проездной, ключи и карточки он раскладывает по карманам. Сменная одежда у него хранится в шкафчике, на месте, а тормозков он не берет, потому что почти не ест.

Трудится Слава на фабрике по росписи деревянных изделий. Она была создана специально для советских мастеров.

Сейчас их уже нет в живых, но они оставили после себя богатое наследие в искусстве. При этой фабрике даже музей есть с их работами. Это место, рассвет которого остался далеко позади. Оно на ладан дышит. Внутри царят девяностые, все потихоньку разваливалось. Тем не менее Слава никогда не жаловался на свою работу. Ему нравилось там трудиться даже несмотря на то, что он, имея художественное образование, не смог устроиться выше лакировщика-заготовщика. Может оно и к лучшему. После пережитого на студии тихая, монотонная работа, самое то для Славиного беспокойного разума.

Фабрика была на конце города, но совсем недалеко от его дома. Так что каждое утро он прогуливался до неё пешком. Машин и людей почти не было и на улице, в это время все только просыпались. Вдалеке начало виднеться тёмное здание без окон. Слава прошёл мимо охранной будки, показав пропуск, и вошёл внутрь. Многие работники еще не пришли, только уборщицы и повара. Из заводчан Слава всегда приходил первым, так ему нужно было все подготовить к приходу художников. Переодевшись он зашёл в свой цех, самый дальний.

С вечера ему принесли несколько деревяшек для панно. Слава принялся за них в первую очередь. Начал шкурить и грунтовать поверхности. Пока те подсыхали он выходил подышать. Тяжело работать в респираторе. Перед самой лаки-

ровкой Слава вручную шпаклевкой стал замазывать неровности. После чего нужно было снова ждать. Пока он бродил по коридору прибывшие рабочие позвали его на перекур. Слава согласился, вопреки тому, что давно уже бросил эту привычку. Курил только за компанию. Ему даже не приходилось выпрашивать сигареты, заводчане всегда добровольно угощали его.

Славе было хорошо с ними. Ему не хотелось причинять им боль. Он ненавидел людей, но вот именно эта пара - тройка мужиков вдвое старше него ему приглянулась. Хоть они и посмеивались над ним, приговаривая: «Вот бы всех художников на завод». Но все же о парне заботились и никогда не отказывали в помощи, которую Слава особо-то и не просил. Он общался только с ними, рабочими, что занимались резкой по дереву и сбором шкатулок. Вобщем с теми, кто занимался более грубой работой, у них душа нежнее. С художниками же он не водился. Слава считал их глупыми и высокомерными. Они часто ходили задрав нос, да так, словно их озарил гений и вот-вот эти творцы родят новый шедевр искусства. Отсюда требования какого-то особого отношения к себе и вечное нытье, что им все мешают и все отвлекают. Безусловно, Слава понимал, что не все творческие люди такие, но почему-то ему в жизни, начиная с колледжа, встречались только такие. Или же он просто выбирал видеть только таких. У Славы достаточно сложный характер и мировоззрение. Не исключено, что он может видеть только плохое. В

любом случае эти художники его сильно не донимали. Могли пару раз в месяц поскулить, что он медленно работает и все. Славе от этого ничего никогда не было. А все остальное лишь вопрос неприязни и предубеждений.

Перекур закончился, Слава вернулся в цех. Утренние деревянные еще не высохли, поэтому он принялся шкурить пока что новоприбывшие. Ближе к обеду наконец можно было закончить первую партию, покрыв краской и лаком, и оставить уже до конца. Позже остальных Слава поднялся в столовую. Своих мужиков уже не было, поэтому он просто сел за свободный стол. Взял себе чай и пару кусков хлеба, которые с трудом запихнул в себя. Он сильно исхудал на своих таблетках, кости торчали во все стороны, аппетита никакого. После перекуса Слава вновь пошел к себе и продолжил работать до вечера, стараясь ни на что больше не отвлекаться. Технолог не заставлял его так беспрерывно работать. Просто Славе самому хотелось оставаться одному, в тишине, в своём маленьком рабочем уголке, чтобы спокойно думать.

О чем же он думал? Что же за незаурядная идея не отпускала его голову? Недавно Слава испытал странное чувство, будто что-то с ним не так. То ли он не на своем месте, то ли не в своем времени, а может вовсе, жил не свою жизнь. Какая-то потерянности настигла его и вызвала волнение, ведь время-то идёт, третий десяток давно. И если он его тратит на то, что ему на самом деле чуждо, душа рано или поздно взвоят. Поэтому Слава решил попробовать разобраться в

себе и в жизни, которую он успел прожить, какие решения стоит сейчас принять и почему. Он заключил, что, чтобы все было ясно нужно все свои воспоминания структурировать и куда-то выложить, самое простое на бумагу. Вот Слава и решил написать что-то вроде автобиографии, но скорее только для себя.

Около недели он ходил, все думал над началом. Когда началась его жизнь? Вряд ли с рождения, тогда жизнь детей принадлежит еще их родителям. Может тогда, когда хотя бы один родитель смог отпустить ребёнка и начать первые шаги сепарации? Да, возможно. А когда это произошло со Славой? Он все копал, копал в себе, но ответа не находил.

Его рабочий день заканчивался в пять вечера. Он закрыл смену, сдал все сырье, переоделся и поплелся домой уставший. На улице снова было темно. По дороге его вдруг посетила мысль, скорее даже соблазн, отложить свою затею на сегодня и по обыкновению завалиться в бар, подцепить там какую-нибудь девчонку, приласкать и осыпать самыми теплыми словами о любви, потом затащить к себе, встретить с ней утро и разбить ей сердце навсегда. За свои двадцать пять лет Слава превратился в блестящего психолога, даже гипнотизёра. Он знал, что сказать, в какой момент и кому, чтобы человек пошел за ним до конца. Он знал как влюблять в себя еще с юности. Во взрослой жизни принципы те же. Люди не меняются – большие дети. С виду Слава тоже не изменился, ведёт такой же беспорядочный образ жизни, казалось, без

цели. Но цель-то у него на самом деле была, но каждый раз менялась. Однако сейчас она стала для него очень размытой. При мысли о ней внутри вспыхивало то самое странное чувство, поэтому он всякий раз сомневался в том, что делает.

Все же человек не может жить без цели. Значит Слава не может сейчас завернуть в ближайший бар, в этом нет истинного смысла. Он должен взяться за автобиографию.

Скрепя сердце он пришёл домой, принял душ, смыв усталость, и уселся за ноутбук, приготовившись печатать, но вдруг ощутил, что это для него слишком. Все же Слава не писатель и не готов садиться за это дело вот так капитально. Он отложил технику и взял простую тетрадь и ручку. По старинке. Оно может даже лучше пойдёт.

Слава сидел томно, пялясь то в потолок, то в пустой лист. С чего же все-таки начать?

Неожиданно, боковым зрением он увидел знакомую фигуру. Она сидела напротив него, на кровати, скрестив руки на груди. Высокая тоненькая девушка, босоногая, в светлом платье. Прямо как в его детстве, ничуть не изменилась, разве что приобрела взрослые очертания.

- Надо же, а на тебя таблетки не действуют, Полин. – Подметил он и усмехнулся. – Как давно мы с тобой не виделись, больше десяти лет прошло. Что ты здесь делаешь? Зачем вернулась?

- Ты на распутии, вот я и пришла. Ну как? Тебе понравилось с демонами?

Слава нахмурился, ему было больно от этих слов.

- Не знаю. По началу было очень даже неплохо. По крайней мере лучше чем с тобой, я хоть немного раскрылся.

- Немного?! Это мягко сказано. Так и что вдруг заставило тебя усомниться в своём выборе, раз все было так неплохо?

- Мне кажется они привели меня куда-то не туда. – Он начал нервно стучать ручкой по столу. – Что-то не так, но я не понимаю что. Хочу разобраться, откуда у меня это ощущение.

- Вот для чего ты все это затеял. – Протянула она. – Ну что ж, давай, я с удовольствием посмотрю, что ты напишешь и как это прокомментируешь. – Она сменила позу на более открытую и наглую.

Слава изменился в лице.

- Ты говоришь так, словно хочешь позлорадствовать.

Полина промолчала.

- Разве так ты должна себя вести? Ты же всегда была моим защитником и хранителем. Даже сейчас. Я уверен, ты пришла, чтобы помочь. Я знаю тебя, ты никогда не захочешь навредить или посмеяться надо мной.

Она тяжело вздохнула.

- Потому что с этим ты прекрасно справляешься сам. Я здесь действительно, потому что ты нуждаешься во мне. Однако сначала я хочу убедиться, правда ли ты готов к моей помощи. Хватит ли тебе сил, чтобы принять ее или ты опять струсил.

- Тогда у меня не было выбора, я слишком устал.

- Я знаю. Я понимаю тебя. Но тем не менее, это все еще остаётся одной из твоих ошибок, которую, чтобы признать и исправить, нужны силы. Они у тебя есть?

- Я не знаю. И я не знаю правда ли ошибся тогда с выбором. – Слава полностью повернулся к ней, демонстрируя некое торжество. – Подожди пока, умерь свой пыл. По-твоему мне надо кардинально все менять, словно я совсем разрушил жизнь. Но я так не считаю. Пока что. Я просто запутался. И помощь мне нужна в первую очередь, чтобы все понять. Без наставлений.

- Хорошо. – Спокойно, но с печалью в голосе и взгляде, сказала Полина. – Тогда пиши. Я помогу что-нибудь вспомнить. В конце концов я никогда не отходила от тебя далеко...

- Да погоди ты. – Прервал он ее. – Куда писать, когда я не знаю как начать.

- Все начинается с детства. – Подсказала она.

Глава 2

Все начинается с детства, все начинается в школе. Именно с неё я и хотел бы начать.

Почему именно так, ведь раньше я, казалось, думал, что ребёнок появляется там, где начинается сепарация. По правде говоря, этот момент в памяти у меня очень смутный. Мамы не стало когда мне и трех лет не было. В тот период я совсем не видел отца. Получилась такая вынужденная сепарация, неестественная. Поэтому у моего "я" не было нормального начала. Остались лишь какие-то обрывки, как кадры из фильма. Так что я пожалуй, вопреки своим убеждениям, начну со школы.

Не могу сказать, что выделялся чем-то в своём классе, особенно в началке. Такой же как и мои одноклассники, такой же как и все мы в этом возрасте. Я хотел завести друзей, бегать с ними на переменах, а затем гулять после школы. Но у меня не получалось.

Как-то меня все не взлюбили. Сначала эта была просто неприязнь и избегание, но позже появились злые насмешки и даже издевательства.

Они говорили, что я странный, хотя в сути своей никакой странности не видел и я искренне не понимал, что со мной не так. От этого было обидно. Ведь я такой же как они и хочу того же.

Пришлось научиться быть изгоем. Впрочем, мне не привыкать к одиночеству. Дома я тоже почти все время один. Папа работает до поздна и часто не ночует дома. Так что я быстро адаптировался к такой школьной жизни.

В особо трудные моменты ко мне приходила Полина. Я не знал откуда эта девочка взялась и когда появилась. Меня это не волновало. Мне было важно лишь то, что она была, когда мне это было нужно, и всегда говорила мне то, что я хотел услышать. Вскоре, Поля стала ходить со мной в школу, чтобы поддерживать и там. Я никогда ни на что не жаловался ей в целом, она понимала меня сама, без слов. Иногда я замечал, что некоторые ее черты похожи на мамины, если сравнивать с фотографиями. Она тоже была белокурой, с бледной кожей и светло-зелеными глазами, прямо источала вокруг себя свет и была мне полной противоположностью.

Из-за того, что я был замкнут и отстранен от всех мое лицо почти всегда покрывала тень. Глаза были впавшие, под полузакрытыми веками прятался тяжелый взгляд. Из-за черных не расчёсанных прядей выглядывала гримаса, выражав-

шая вечное ничто. Когда я смотрелся на себя в зеркало, видел маску робота, который ничего не чувствует. Мне было от этого забавно, но губы не трогала улыбка. Все это было где-то слишком глубоко. Даже не чувства, а скорее их отголоски. Это я сейчас понимаю, тогда даже не задумывался об этом. Просто ходил невзрачный и ссутулившийся, сам себе на уме, терпя любое отношение к себе и внутри разговаривая только с Полиной.

Так я жил лет до одиннадцати. Никак и нигде не отсвечивая, только тихо и прилежно учась.

Но вот настало время переходить из младшей школы в среднюю. Для меня это было важно, еще один этап взросления. Я должен был сильно измениться, да и все вокруг меня должно было сильно измениться. Это произошло, но к сожалению или счастью не совсем так, как я предполагал.

Все началось первого сентября в пятницу. Я уже собрался, и все оттягивал время, чтобы не идти на линейку. Я сидел на кровати и пялился в открытое окно. На дворе было бабье лето, поэтому ребятня шла в школу без курток. Я слышал их голоса и гогот, то удаляющиеся, то приближающийся вновь.

Я глядел на еще зелёную листву, залитую солнцем. В голове была каша из разных мыслей: "Я как и все, рос на обломках, в одной старенькой уютной панельке небольшого городка. Для меня это была целая жизнь. Я жил здесь. Наверно и сейчас живу. Так странно думать, а живу ли я вообще?"

Помню, я тогда заплакал, мне где-то глубоко было и груст-

но, и радостно, от того что все оно родное, но какое-то потерянное. И мне ничего не оставалось, кроме как просто наблюдать за этим.

Напротив меня вдруг возникла Полина.

- Что с тобой?

- Ничего, все нормально, как всегда. - Ответил я, смахивая слезы.

- Уверен? Почему ты плачешь?

- Я не плачу. Люди плачут когда им грустно. А я спокоен, видишь? Слезы текут сами по себе. - Моё лицо тогда и правда не выражало ничего. - Может у меня аллергия?

Полина помотала головой.

- Нам пора. - сказала она.

- Не хочу.

- Но может, в этом году всё будет иначе?

- Не думаю, чтобы все было иначе, должно что-то измениться. А я все такой же.

- Может твои одноклассники изменились?

- Не хочу на это надеяться, скорее всего это не так.

- Может тогда новые ребята придут? Они уж точно совершенно другие.

- Так мои их быстро поднатаскают.

Она не ответила, лишь встала и присела рядом со мной.

- Знаешь, у меня предчувствие, что что-то да произойдет, что-то точно поменяется!

- Это всего лишь надежда, не более.

- Нет-нет, у меня прям чуйка в этот раз! Пошли!

Всю дорогу она внушала мне, что все будет хорошо, успокаивала и уверяла в том, что все изменится. Не любил я строить надежд, они всегда рушатся, как по мне. Поэтому старался отнекиваться от неё как мог, но сам чувствовал где-то в глубине души, что уже уверовал в ее слова.

Минут через двадцать я наконец был у своей школы. Около входа в неё, в несколько рядов, стояли классы, от малявок до выпускников. Было тесно и душно, а шум звонких и грубых голосов вызвал у меня головную боль. Я с трудом добрался до своего класса, и только тогда немного выдохнул.

- Странно... - Думал я про себя.

- Что? - Подхватила Полина.

- Странно от осознания того, что я больше не младшеклассник, а, кажется, взрослый.

- Конечно, взрослый! - Воскликнула она, смеясь. Я представлял, как она треплет меня по волосам. - Уже совсем взрослый, почти мужчина!

- Да... Жаль, он не пришёл поздравить и порадоваться за меня, как ты. Вот почему я сразу понял, что ничего не изменится.

Я было поник головой, как Поля тут же изменилась в лице и вновь начала меня подбадривать.

- Но-но подожди! Вон смотри! Это же новенькие и в твоём классе, да вон же!

Я оглянулся. Взаправду в толпе знакомых и противных

лиц появились новые, незнакомые.

- А что толку с них. Им уже эти балбесы разъяснили кто есть кто.

- С чего ты взял?

- Уверен.

Я продолжил наблюдать за группкой мальчиков, в которой вертелись трое новеньких. Им что-то активно рассказывал Зверь, мой главный обидчик и саботажник класса. Он всегда подстрекал других против меня. Глядя на него, я испытывал только ощущения, будто смотрю на крысу или таракана, или личинку. Что-то мерзкое.

- Спорим, что он с ними обо мне сейчас разговаривает? - Обратился я к Поле.

Не успела она ответить, как вдруг кто-то из новеньких в этой группе заметил и уставился на меня. На это обратил внимание Зверь, стоявший спиной ко мне, и обернулся, оскалившись.

Они всей гурьбой подошли к нам, я стоял неподвижно, Полина еще ближе встала ко мне, взяв за руку.

- Смотрите, а вот и наш червячок! -

Ухмыляясь и язвя, представил меня Зверюга новеньким, вызвав у них смешки. - Ну, что, как твои дела, грязнуха?

- Нормально. - сквозь зубы ответил я, подавляя расплывшуюся дрожь в голосе и машинально сжав кулаки, вцепившись в Полинину ладонь до боли. Она тоже крепче сжала пальцы.

- Вот как. У вас там у червей внизу, в дерьме, могут быть нормальные дела?

Снова смех в мою сторону. Я молчал, опустив глаза.

- Скажи ему, - дернула меня Полина - ты же можешь ему ответить и прекратить все это. Почему ты молчишь?

- Я не могу. Не могу! – Кричал я внутри себя.

- Нет можешь! Ты не заслуживаешь такого отношения к себе, слышишь! Не заслуживаешь!

- Я...

- Ну, что смолк-то? – продолжал Зверь. - Язык проглотил? А хотя ты можешь, да. Ты же у нас терпила, всегда молчишь. – Он приблизился ко мне. - Мне это должно было наскучить еще давно, но оно наоборот, забавляет из раза в раз все больше. - Зверь дал мне щелбан, от которого искры посыпались из глаз. - Хочу посмотреть, насколько тебя хватит. Хочу понять чувствуешь ли ты хоть что-то.

Я сжимал кулаки все сильнее, от напряжения руки затряслись. Полина и не дрогнула от боли, что я ей ненароком причинял. Зверь заметил мою реакцию и артистично расставил руки в стороны.

- Ну, давай! Давай, ударь меня или наори! Или хотя бы заплачь, да сделай хоть ты что-то, червь!

Я не шевелился. Внутри все стало колом. Я чувствовал, как краска заливала мое лицо, не от злости или страха, а от взглядов, уставившихся на меня со всех сторон. Все они выжидали, словно хищники в засаде и ничто не могло убрать

их ухмылки с лица. Я не смог тогда заговорить с Полиной, я думал лишь об одном, куда и как спрятаться.

Зверь понял, что не добьётся того, чего хочет. Не сегодня. Поэтому этот клоун соорудил печальную рожу, опустив руки, и плюнул мне под ноги:

- Да ты правда тупое беспозвоночное.

Он толкнул меня в плечо и, устремился прочь к своим друзьям.

Я ещё какое-то время стоял на одном месте и не поднимал глаз. Рядом посмеивались девчонки из моего класса, пацаны гоготали и тыкали пальцем, а новенькие перешёптывались.

- Слава... - Я наконец услышал родной голос.

Напряжение камнем упало с моих плеч, я расслабил лицо и глубоко вздохнул.

- Оставь меня.

Хоть говорить я с ней не пожелал в ту секунду, был безмерно благодарен, что она была рядом. Полина не отпускала моей руки. Только это мне и нужно – ее присутствие, сама мысль о том, что она есть и будет со мной в такие моменты всегда.

Всякий раз, когда происходили стычки, Полина спрашивала меня, почему я терплю и позволяю им так к себе относиться. Я не знал, что ей ответить.

Честно, я каждый раз чувствовал, как где-то глубоко внутри что-то вскипает и оно вот-вот вырвется наружу. Однако это был уже не я, а нечто другое.

Оно очень сильное и большое. Я не знаю что это, поэтому стараюсь сдерживать его и прятать как можно дальше под толщей бесчувствия, там же где кажется была причина моих слез. А может это было вовсе одно и то же. В любом случае, мне казалось, что если я дам ему волю, будет большая беда.

Когда прошла линейка и мы сидели в классе на уроке мира, оно все еще не успокаивалось и теплилось во мне. Тогда я достал блокнот и принялся судорожно выводить линии и штрихи. Всегда получались несуразные формы, а из них чудовища. Я даже не думал, когда рисовал их, рука сама двигалась. Быть может это они сами рисовали себя, а я был лишь их инструмент. Что это за существа, меня никогда не особо волновало. Главное, что сам процесс для меня был спасением и ко мне в душу возвращался покой.

Вот, еще одна полностью исчерканная и вздувшаяся страница. Я прерывисто дышал, но все же старался сдержать себя в руках и успокоится. Я даже не заметил, как ко мне снова пришла Поля. Я сидел за партой один, поэтому всегда, когда был в школе представлял ее сидящую рядом со мной.

- Легче?

- Ага.

- Красивые. Ты бы может им какую-нибудь историю придумал?

- Историю не знаю, но вот город...

- Какой город?

- Мне кажется у них точно есть какой-то город. И он такой,

знаешь... В нем нет чего-то правильного, в нем нет нормальных или безумных. Он такой... Он для тех кто устал и хочет сбежать. Вобщем, это то место, куда я сам хотел бы сбежать!

- А в нем будет место для меня?

- Ты что, сомневаешься?

- Мне кажется, это место бесконечно мрачное, холодное и в нем нет места чему-то хорошему, только вечному страху.

Я посмотрел на неё исподлобья.

- Думаешь, я боюсь чего-то?

- Твоя жизнь состоит из страхов. Ты в этом не виноват, безусловно. Но все же... Я знаю, что творится у тебя внутри, Слава, знаю, что это за существа, и если ты войдёшь к ним в город возможно не выйдешь уже никогда.

- Но я хочу.

- Подумай, мы оба прекрасно знаем, что я права.

Я задумался над ее словами и засомневался в своей идее.

Неожиданно мне прилетел подзатыльник от Зверя. Он сидел позади меня и все время толкал, тыкал ручкой, давал щелбаны или подзатыльники. Я уже привык к этому. Обернулся и увидел, как он насмеялся надо мной. Его глаза горели, в них читалось удовольствие и азарт. Я отвернулся, но от этого его задор лишь усилился. Он донимал меня до самого конца урока. Я старался делать вид, что занят и мне все равно. Когда прозвенел звонок весь класс уже в открытую обсуждал нас. Я был, словно дрессированной собачкой в руках этого урода, который устраивал для всех шоу.

Я встал, собрал вещи и также молча вышел из класса, Полина пошла за мной. Не успел я сделать пару шагов, как Зверь перехватил меня, взял в удушающий захват, несильно, но так, чтобы я точно никуда не мог вырваться. Вокруг нас сразу же образовалась толпа, кто-то даже достал телефон и начал снимать, как этот подонок, насмехаясь, стал хлестать меня по щекам и издевательски спрашивать: "Ну, что теперь? Что теперь будешь делать? Может заплачешь? А я твою мамочку сразу позову. А, ой, у тебя же ее нет." Я молчал и просто пытался вырваться из его хватки, изредка смотря на Полину. Она не могла мне помочь, я должен был сам справиться. В итоге он меня отпустил, толкнул так, что я очень жёстко упал, ударившись подбородком. Мне было больно, а они смеялись. Весь класс это видел, даже учителя, но никто ничего не сделал. Мне пришлось проглотить это и идти домой. Всю дорогу Полина успокаивала меня.

- Ничего, ничего, все пройдёт, все будет хорошо. Мы все переживём, мы справимся. Завтра же скажем завучу, верно? Ты хороший, ты этого не заслуживаешь. И с тобой все нормально, клянусь тебе, что все нормально. А то, что они так ведут себя, потому что идиоты, вот и все. Им надо же куда-то свои негативные эмоции сливать. А то, что они выбрали тебя для этого абсолютно не твоя вина, понимаешь. Ты замечательный. Слава?

У меня снова покатались беспричинные или, как я позднее их стал называть, пустые слезы.

Я вытирал их, но они все равно текли.

- Ну же, я понимаю тебе плохо. Я рядом, я тебя не брошу.

- Мне не плохо. Мне все равно.

- Нет, я же чувствую. Просто очень глубоко.

- Так и не вздумай ничего раскапывать!

- Ведь легче же будет.

- Нет, не трогай!

Она отстранилась. Я смягчился.

- Прости, я не хотел. Не могу себя контролировать иногда.

Мне нужны твои глаза, чтобы держаться. Только они по-настоящему понимают меня. Только они любят.

Я представил, как Поля снова взяла меня за руку. Хоть и не физические, но самые приятные прикосновения.

Дальше мы шли молча, уединившись в наших общих мыслях. Вскоре слезы прекратились. Они накатывают периодически, я понимал, что это идет изнутри, но не хотел этого признавать. В целом даже не хотел думать о них. Мне казалось так легче жить и проще придавить то, что я сдерживал.

Хотелось рисовать. Поэтому я присел на ближайшую скамью и принялся хаотично что-то чиркать. Глядя на результат, меня с новой силой охватила идея зайти в тот город. Однако Полина помогла отбросить эту мысль. Не знаю, как ей удалось, но тогда она вдохновила меня на то, чтобы вновь попытаться поговорить с отцом.

Будучи уже дома, первое, что я увидел - небрежно брошенная обувь папы на пороге. По пятницам его всегда рань-

ше отпускали домой. Он не поздоровался и не встретил меня. Я поправил его ботинки и зашёл на кухню. Папа разбирал сумки с продуктами на столе. Он хмурился, его лицо было скривлено, будто от отвращения.

- Привет! - Старался я изобразить радость.

- Угу. - Промычал он, не обернувшись.

- Тебе может помочь?

- Было бы славно.

Я разбирал один из пакетов и поглядывал на Полину, она мне кивнула и жестом показала, чтобы я все же попробовал начать с ним разговор.

- Как твой день прошёл сегодня?

- Да никак, также как и всегда! – Резко и даже немного обиженно, начал он. - Или ты думаешь, что у нас что-то поменялось?

- Я просто спросил, ты чего злишься?

- Да ничего! Меня сегодня целый день доставали, из-за стажеров. Молодёжь безрукая! И еще дома ты мне на мозги капаешь! Если тебе что-то надо, так и скажи, не строй из себя тут заботливого сына.

- Но я же правда переживаю за тебя.

- Ну конечно, ага. – Он язвил и обесценивал. - Так что? Тебе что-то нужно? Если нет, проваливай.

- Нужно, я поговорить хотел. – Я заглянул в глаза Полины и продолжил. - Помнишь, я еще пару лет назад тебе говорил, что меня один мальчик достает?

- Ну было что-то, и?

- Он уже не стесняется избивать меня при всех. Ладно подстрекал на унижения, оскорблял перед классом, черт с ним. Но чтобы бить? Я не готов мириться с этим. Это просто опасно. Я боюсь, что когда-нибудь сначала ударит только он, а потом присоединиться вся толпа. Они же так убить могут! Вот, посмотри, уже сегодня мне подбородок разбил.

- Где, покажи? – Небрежно и с равнодушием спросил отец.

Он повертел мою голову и когда я ему указывал где синяк, смотрел в то место с недовольством и раздражением.

- Да где синяк? Нет там ничего, что выдумываешь!

- Как нет-то?

- Ну может маленький и есть. Болит?

- Нет.

- А что из мухи слона раздуваешь тогда? Подумаешь, не зубы же тебе выбили. Я в твои годы постоянно дрался и не такие синяки приносил. И ничего, не жаловался. А ваше поколение разнеженное! Чуть что, сразу плачут и орут, что их все обидели.

- Но меня правда обижают.

- Что ты мне врешь! Кто тебя может обижать? Чем ты такой особенный, что на тебя вообще кто-то внимание может обратить?

- Не знаю.

- Вот и я не знаю. Или тебе что внимания не хватает, я мало тебе времени уделяю что ли, а? – Наезжал он.

- Сегодня же не пришёл на линейку.

- Что?! Ты меня еще упрекать в чем-то будешь?! Я вообще-то работаю, тебя обеспечиваю, чтобы ты учился, ни в чем не нуждался. Свинья ты неблагодарная! Уйди с глаз моих, видеть тебя не хочу! - Он пихнул меня, что я чуть не упал. Отец никогда не умел рассчитывать силу.

Когда я уходил, вдогонку он мне крикнул.

- Ты врун, эгоист и лентяй! И это мой сын?!

Он вечно был мной недоволен или даже разочарован. Может это было небеспричинно? Может поэтому он хотел, чтобы я почувствовал стыд за свое существование? Должно быть со мной все-таки что-то не так.

В тот день ему удалось меня в этом убедить окончательно. И вот, сколько лет прошло, а до сих пор не уверен в своей нормальности.

Я лёг на кровать и уставился в стену, рассматривая узоры на обоях. Кажется, я тогда был в состоянии похожем на шок и у меня не было сил что-либо делать, кроме как лежать и слушать свои мысли о том, какой же я на самом деле плохой. Чувствовал себя очень плохо, потому что я думал, что так мне и надо. Меня же всегда называли странным. Так что похорошему со мной наверно нельзя было.

Я еще какое-то время слышал ворчание отца с кухни, но вскоре они затихли, он ушёл в гостиную. Зато стал слышен звон бутылок. Главное теперь до конца дня не разозлить его еще больше, иначе они начнут летать по квартире.

Я лежал и спиной чувствовал на себе взгляд Полины. Я знал, она меня жалела, хоть ничего и не говорила, понимала, что я не хочу никого сейчас слушать. Помню, я тогда уснул, спал очень крепко, и только вечером меня разбудил отец. Он был пьян, ворвался в комнату, с силой стянул меня с кровати и бросил на пол.

- Мразь, когда я зову тебя, ты должен идти! Ты понял, сучёныш?! Иначе жрать в этом доме больше не будешь!

Затем он, шатаясь, вышел. Я все еще сидел на полу, потирая ушибленное плечо, и не мог до конца сообразить что произошло. Оправившись я все-таки пошел вслед за ним.

Он уже сидел на кухне, развалившись на стуле, глаза его были стеклянными. Я молча сел напротив, почти не дышал и лишний раз не шевелился. Передо мной была тарелка с непонятным варевом. Видно, что он готовил уже не трезвым. Я ничего не сказал на это и принялся уплетать то, что есть. Я уже привык к такому. Ел осторожно, не стуча ложкой о дно тарелки, не поднимая на него глаз. Отец пристально и с ненавистью смотрел на меня, лишь изредка подъедая что-то. А когда ему надоело мучить меня, он встал, бросил тарелку в раковину, кинул в мою сторону: "гнида!" и ушёл к себе пить дальше. Я сидел в оцепенении, меня трясло. Помню, когда он хлопнул дверью, я заулыбался. Мне не было весело, просто то, оно, сидевшее ещё сегодня утром так глубоко, начало неожиданно всплывать и я должен был это хоть как-то выпустить, через любую эмоцию, иначе оно разорвало бы

меня, мою душу. В этот раз пустых слез было недостаточно. Перед глазами все плыло, я не видел Полины. Сознание помутнело, так что я еще ее и не чувствовал рядом с собой. Я был один. Впервые остался наедине, без поддержки, и именно сейчас пришло оно. Я прерывисто дышал, что-то жгучее поднималась вдоль спины. Я простонал и схватился за грудь. Она болела. Мне физически было больно.

Не знаю, сколько времени прошло прежде чем мне стало легче. Весь оставшийся вечер пролетел, как в тумане, я все время рисовал, никак не мог успокоиться. А когда услышал храп из-за стенки, взглянул на часы. Было пол второго ночи, а мне вставать через пять часов. Я быстро умылся и лег, закрыв глаза. Однако сон не шёл. Меня вновь охватили мысли о своей ничтожности и что-то сдавило мое тело. Я много раз прокручивал в голове то, что сегодня произошло. И слова, и поступки, и боль... Вот имя того нечто - боль. Неожиданно проступили слезы. Только теперь совсем другие, я ревел навзрыд, в подушку, пока не свело лицо, пока не сорвал голос, пока от соли слез не разъело глаза. Иногда сквозь хрипы прорывался смех, иногда рычание. За пару десятков минут я пережил огромный спектр эмоций. Все что я копил годы, выливалось из меня одним потоком за раз.

- Когда-то это должно было произойти. - Начала Полина, поглаживая меня по плечу. - Ты знаешь, человек на самом деле очень хрупкий. Столкнувшись с подобным, мало кто выдержит. Это нормально. Рано или поздно он сломается.

Просто каждый свой перелом будет проживать по-разному. А мы с тобой проживем его правильно, верно?

Я пропустил этот вопрос мимо ушей. Все время пока я плакал, я думал только о городе, в котором жили мои демоны.

- Зачем мне здесь быть, Полин? - Начал я. - Здесь меня не любят и не ждут. Я один, меня никто не слышит и относятся так, будто я не человек, будто со мной так можно и в этом нет никакой проблемы. А там они меня любят и понимают. Они помогают мне жить, дают спокойствие. Позволяют моей боли пройти через их образы, через них самих. Они так похожи на меня, словно мы совсем родные, из одной крови и плоти. Поэтому они готовы вечно внимать моим переживаниям и я знаю, они хотят, чтобы я остался с ними, зовут меня, а я все время отказываюсь. Зачем? Ведь именно они и только они готовы мне помочь, именно они могут дать мне то, чего каждый на моем месте бы хотел.

- Только они? Слава... Я знаю, тебе больно и обидно, но это не выход. К ним хочешь не ты, а твоё желание избавиться от страданий за счет чужого несчастья, ты должен это понять! Ты должен в конце концов научиться понимать себя и что ты чувствуешь. Только так ты сможешь нормально жить и защищаться от жестокости мира и людей. Я понимаю, что это тяжело, особенно тебе, но я же здесь! Я готова тебе помочь! Ты только должен принять правильное решение. Не иди к ним, это мрак. И то, что они скажут тебе сделать даст

лишь сиюминутное облегчение, но дальше будет только хуже! Поверь мне, я знаю.

- И что же? Я снова буду вынужден думать и учиться? Каждый свой миг? Да я всю жизнь только и делаю, что учусь понимать всех и всё, что вокруг меня. Я устал! Я хочу отдохнуть! Не хочу ни о чем думать! Хочу хоть раз довериться им! Пусть они покажут, кто я есть на самом деле. Уходи!

Она была поражена. Я чувствовал затылком, как Поля смотрела на меня пустым, потерянным взглядом. Что-то в ней сломалось и рухнуло, от чего ноги у неё подкосились. Поля ушла и больше не приходила, а в ту ночь ее место заняли другие, и я вошёл в город.

- Видишь? - Слава оторвался от записей. - Ты учила меня приспособленчеству, чтобы я подстраивался ко всем, но есть предел.

- Ты сам под них подстраивался и молчал. Я же все время призывала тебя дать отпор.

Полина медленно прохаживалась вдоль комнаты, из угла в угол. Её взгляд был задумчивым, а слова ее звучали безотчетно, словно они давно отрепетированы.

- И я дал.

- Да, но все должно было закончиться не так.

- А по-другому и быть не могло! Вот почему я молчал, видишь!? Я знал, что будет так. Поэтому я просто старался

этот момент отсрочить.

- Вот, что я скажу, - Резко и строго начала она, повернувшись к Славе, - останься ты со мной, поступил бы также. Только вот я бы не позволила тебе после этого случая скатиться в бездну. Ты бы действовал, руководствуясь другими мыслями. Ты был бы другим. Я бы научила тебя как жить с этим дальше, но ты выбрал...

- Я выбрал себя, настоящего! – Не унимался Слава и, кажется, был очень доволен собой. - Сначала для защиты, а потом для всей дальнейшей жизни. Я позволял себе то, что хотел. И это они мне показали, что так можно. Я им благодарен!

- Замечательно. И куда тебя это привело? – Она оставалась холодной и спокойной.

Слава взглянул на нее насупившись и закатил глаза. Он испытывал гордость за себя тогдашнего и не терпел, чтобы кто-то смел критиковать его, несмотря на то, что сам понимал, это действительно повлияло на дальнейшую жизнь.

- Сейчас разберёмся. – Недовольно пробубнил он, возвращаясь к исписанным листкам.

На следующий день меня было не узнать. Что тут говорить, я сам себя не узнавал. Внешне возможно ничего особо не изменилось, но вот внутри я был совершенно другим человеком. Я впервые чувствовал себя полностью расслаблено,

не шел, а летел с высоко поднятой головой и смотрел во все стороны, не пряча глаз и сохраняя не только спокойствие, но и уверенность. Мир вокруг оказывается так интересен, когда наконец перестаешь прятаться.

Мне резко стали любопытны люди. Интересно наблюдать за их поведением. Особенно по отношению к себе. Тут я имею ввиду своих одноклассников.

Безусловно, они заметили, что я как-то изменился, но не могли понять в чем именно. Глядели на меня недоуменно и провожали взглядом. Я не стеснялся пялиться на них в ответ, еще больше смущая. Никто ко мне не подошел и ничего не спросил, я тоже не стремился объясняться.

Когда нас пустили в класс, я бегло осмотрел одноклассников и прошёл за свою парту. Сердце мое выпрыгивало из груди, но на лице не было ни малейшего проявления волнения. Я горел внутри. Демоны рычали. Страсти пылали. Лишь суетливое рисование грубыми штрихами в тетради выдавало меня.

Все шептались, время от времени кивая в мою сторону. Сложно было разобрать о чем они говорили, однако отсутствие насмешек уже означало маленькую победу для меня.

В разгар обсуждений в класс зашёл Зверь, а за ним его

"свита", в которой уже пристроились новенькие. Он сразу же обратил на меня внимание и лицо его перекосила желчная злость. Он не мог стерпеть такой перемены во мне, его груше для битья. Немного постояв в проходе, Зверь стремительно направился ко мне. Он громко ударил ладонями об мою парту, так что все вещи, находившиеся на ней подпрыгнули, а сам навис надо мной свинцовой тучей.

- Что это с тобой сегодня?! - Он старался скрыть свое раздражение.

Я перестал рисовать и поднял голову, взглянув на Зверя. Тот изменился в лице, побледнел.

- Что такое? - Безучастно спросил я. - Что тебя смущает во мне?

- Д-да ты! - Выпалил он нервно. - Ты, ты изменился! И за одну ночь...

- И что?

- Ну, ну...

- Что? Почему тебя это так волнует? - Я поднялся и оказалось, что когда я не сутуюсь и не сжимаюсь, становлюсь выше Зверя на голову. - Что ты хочешь от меня? Что пристал ко мне? Или я тебе в таком виде не по зубам?

- Чего?! - На секунду воспрянул он и повысил тон, чуть пихнув меня грудью.

- Тише, зачем кричишь? - Осадил я его спокойно, словно взрослый маленького несмышленища.

Кто-то хихикнул в классе и Зверь покраснел.

Он не выдержал этого наивного стыда и замахнулся на меня. Я уклонился в последний момент. Чувство опасности овладело мной, сбросив внешнее спокойствие, а кроме него меня не сдерживало больше ничего. Моё нутро, мои демоны, вырвались наружу с кулаками. Я ударил Зверя в щеку, от чего он пошатнулся, но его вовремя поймали товарищи. Зверюга был в полном шоке. Смотрел на меня с испугом и в то же время с зарождающейся ненавистью в глазах. Часто и сбивчиво дыша, он поправился и уже приготовился дать сдачи, но звонок на урок остановил его.

Когда Зверь пошел к своему месту, я усмехнулся ему в спину, плеснув масло в огонь его оскорбленных чувств. Я ждал, что он все же ударит или толкнет, но не последовало ничего. Тогда я впервые ощутил себя на месте Зверя, когда-то жаждущего реакции от меня. Это оказывается такая сладкая пища, особенно спустя столько лет обид и унижений. Должно быть он тоже был когда-то обижен.

Это был мой первый день в школе, когда меня не трогали, не обзывали и вообще держались от меня подальше. Глоток свежего воздуха и цепи тревоги окончательно спали. Я чувствовал себя свободным, человеком, будто только что вышедшим из тюрьмы. Однако выйдя со школы, моей безмятежности и след простыл.

Я дошел буквально до следующего дома и сильные, цепкие пальцы, возникшие, казалось, из ни откуда, схватили ме-

ня за куртку, и втянули в темный переулочек, повалив на землю. Я поднял голову и взглянул на серое небо, которое скрыли нависшие надо мной силуэты. Вдруг они начали колотить меня со всех сторон. Я валялся в грязи, стараясь спрятаться от ударов, кровь стекала по глазам и губам. Это был Зверь, он и его дружки поджидали меня, чтобы я ответил за свой поступок. Трусость ли делать это так, втихаря? Не знаю. По правде я задумался об этом только сейчас. Тогда, в сам миг избиения, я был просто счастлив, от того что они бьют меня. Я смеялся, но не от удовольствия от боли, а от осознания того, что я отомстил Зверю. Я унизил его сегодня, дав ему отпор. Я задел и обидел мальчишку, и он решил мне отомстить. Я знал, я чувствовал в каждом ударе ярость, в то время как раньше в его выходках ощущалась лишь забава и баловство. Сейчас же я вызвал в нем самые ничтожные чувства, вынудившие пойти его на эту жалкую подлость. Зверь поддался им и мне было хорошо от этого. По мне, он был так жалок.

Когда пошел дождь и холодные капли обожгли мое горящее лицо, я наконец пришёл в себя и не спеша поднялся с земли. Вокруг никого не было. Перед глазами сверкали звездочки. Я никогда не забуду, как видел мир в тот момент, словно пьяный, меня даже позабавило это.

Я не сразу понял, когда туманы прекратились. Я настолько привык к этой пульсирующей боли, что даже идя домой чувствовал, будто меня еще лупят. Уже стемнело, поэтому люди не видели моего лица, что было мне на руку, я не хотел

разбирательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.